

7. Зубко А. О греко-униатской церкви в Западном крае // Русский вестник. 1864. Т. 53. № 9. С. 279–342.

8. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2. XIX–XX вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 400 с.

9. Костыцевич А. Проповедь в день похорон священника Кирилла Бобровского, настоятеля Вольчанской церкви, сказанная магистром богословия 7 июня 1824 г. // Литовские епархиальные ведомости. 1887. № 20. С. 166–169.

10. Лабынцаў Ю. А. Баброўскі Міхаіл Кірылавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца. Мінск : БелЭн, 1993 С. 248–249.

11. Лабынцаў Ю. А. Пачатае Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск : Маст. літ., 1990. 333 с.

12. Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі ў другой палове XVIII – пачатку XIX ст. // Спадчына. 1992. № 1. С. 9–14.

13. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985. 281 с.

14. Янковский П. Протоиерей Михаил Бобровский // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 1. С. 11–19; № 2. С. 51–66.

Мосейчук Л. И.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 20–30-е гг. XX в.

С открытием 30 октября 1921 г. Белорусского государственного университета университетская традиция была возобновлена.

Деятельность БГУ, как и других советских вузов, регламентировалась положением о высших учебных заведениях РСФСР, подписанным В. И. Лениным и принятым Советом Народных Комиссаров 2 сентября 1921 г. [1]. Согласно п. 7 Положения, в БГУ были сформированы три факультета: рабочий, медицинский и факультет общественных наук. ФОН состоял из четырех отделений: экономическое, правовое, педагогическое и этнологическое-лингвистическое (в нем действовали четыре языковые секции – белорусская, еврейская, русская и польская [2]. Таким образом, согласно Декларации о возобновлении ССРБ от 31 июля 1920 г., должно было соблюдаться равноправие четырех народов на получение образования на родном языке. Очевидно, что перед администрацией и профессорско-преподавательским составом БГУ стояла сложнейшая задача: разработать учебные программы, которые позволили бы студен-

там не только обучаться на родном языке, но и интегрироваться в образовательную среду университета.

До настоящего времени вопросы, связанные с состоянием образовательного процесса, а также научно-методическим обеспечением всех национальных секций, работавших в БГУ в 20–30-х гг. XX в., не нашли должного освещения современной историографией. Такой пробел, на наш взгляд, связан с несколькими аспектами: во-первых, с языковым барьером, стоящим перед исследователями, поскольку значительный массив документов, освещающих деятельность еврейской секции (отделения) БГУ, велся преимущественно на языке идиш; во-вторых, с недостаточным количеством документальных свидетельств, позволяющих более четко проследить работу польской национальной секции.

Однако материалы по работе национальных секций БГУ представлены довольно широко. Это протоколы заседаний методической комиссии еврейской опытно-показательной школы (с 21.10.1926 г. по 05.09.1927 г.), резолюции предметных комиссий БГУ по еврейскому отделению, отчеты профессорско-преподавательского состава, доклады и отчеты руководителей цикловых комиссий и пр. Они сосредоточены в фонде 205 «Белорусский государственный университет» Национального архива Республики Беларусь.

Для реализации права на получение образования на национальном языке студенту достаточно было указать, на каком языке он хотел получать образование. Этим языком (по крайней мере, его разговорным вариантом) он должен был владеть совершенно свободно. Введение в образовательный процесс языкового многообразия диктовалось, в первую очередь, национальным составом студенчества БГУ. Так, в первый учебный год из 1480 принятых студентов 459 составили белорусы, 678 евреи, 21 русский и 14 поляки. В 1925/1926 учебном году в БГУ обучалось 2916 студентов, из них белорусов – 1519, евреев – 1162, русских – 165 и поляков – 26. В 1927/1928 учебном году из 2986 студентов белорусов было 1720, евреев – 1025, русских – 143 и 51 поляк [3; л. 359–360].

Поскольку многие из первых преподавателей БГУ были представителями российской интеллигенции, то вполне логично и закономерно, что вплоть до 1925 г. большинство предметов читались на русском языке. Значительное место отводилось истории России и славянских стран. Однако основную задачу деятельности БГУ его организаторы видели в подготовке белорусской интеллигенции, поэтому большое внимание уделялось дисциплинам белорусоведческого направления. В учебные

планы факультета общественных наук были включены История Белоруссии, История белорусской культуры, История народного хозяйства Белоруссии, История этнографии народов Белоруссии, История религиозных движений в Белоруссии, Археология Белоруссии, Archivоведение, История основных видов белорусской промышленности.

Первые программы по белорусскому языку в 1922/1923 учебном году были разработаны Иосифом (Язэпом) Юрьевичем Лёсиком [4, л. 70–73]. Требования, заложенные в их основу, оставались неизменными на протяжении долгого времени. Программа ориентировала на практическое изучение языка. По окончании курса студент должен был уметь правильно читать и артикулировать белорусские тексты; при написании применять правила грамматики и пунктуации; уметь отвечать на вопросы на белорусском языке и пересказать небольшое произведение или статью. От студента требовалось понимание природы таких языковых явлений, как «аканне», «дзеканне» и «цэканне», использование «у нескладовага», природу происхождения твердых согласных, сдвоенных согласных, произношение звука «г» и написание мягких «з» и «с». Студенты должны были хорошо владеть склонением, спряжением и синтаксическими особенностями белорусского языка [5, л. 202].

Начавшаяся в 1924 г. политика белорусизации потребовала от преподавателей скрупулезной работы по подготовке специалистов, владеющих белорусским языком. В 1924 г. в БГУ проф. А. Горбатов впервые начал читать курс по рабочему праву на белорусском языке [4, л. 404 об.], преподаватель Н. Гутковский осуществил перевод основной судебной терминологии с русского на белорусский язык, чтобы иметь возможность проводить семинарские занятия по судебному праву на белорусском языке [7, л. 18–18 об.]. Преподавателем математики А. Круталевичем был написан учебник элементарной алгебры на белорусском языке [8, л. 280б].

Однако незнание языка профессорско-преподавательским составом и безалаберное отношение к языку со стороны студентов привело к тому, что выпускники 1924/1925 учебного года педагогического факультета не смогли найти работу. Народный комиссариат просвещения потребовал от БГУ разобраться в сложившейся ситуации и предупредил, что выпускать специалистов без знания белорусского языка недопустимо. В крайнем случаи их нужно оставлять еще на один год для «его изучения» [5, л. 359]. Правление БГУ приняло замечание во внимание и уже с нового учебного года было увеличено количество преподаваемых предметов на педфаке на белорусском языке до 46 % [9, л. 359]. Однако,

по замечанию ректора БГУ В. И. Пичеты, чтобы университет перешел на белорусский язык необходимо запретить студентам выбирать язык обучения путем голосования и направить усилия на «подготовку собственной смены» [5, л. 360].

Большое внимание уделялось в БГУ развитию еврейского образования. Еврейская секция была официально открыта 30 декабря 1921 г. Ее глава М. Вейнгер подчеркивал, что основной задачей секции была «подготовка будущих высококвалифицированных строителей социализма», способных заняться «идишизацией всего еврейского образования» [10, с. 157]. Позднее, после реорганизации факультетов БГУ, еврейские секции, объединенные в еврейское отделение, функционировали на литературно-лингвистическом и социально-историческом отделениях педагогического факультета. В 1921 г. первые 92 студента начали получать высшее образование на идиш. В 1922 г. их количество возросло до 187 человек, а в 1923 г. – до 225 [11, л. 108 А].

Профессор И. Маркон написал программы к курсам, которые читались им на педфаке с 1922 по 1930 г.: «Введение в еврейскую филологию (семитическое языкознание)» [4, л. 80–81об.] и «История еврейской средневековой литературы» [4, л. 29–29об.]. И. Сосис с 1923 г. разработал курс «История еврейских общественных течений в России в XIX в.», а в 1924/1925 учебном году Б. Оршанский подготовил программу по предмету «Новейшая еврейская литература» [4, л. 32]. На основании лекций, которые читались на данном курсе, автор издал в 1931 г. монографию «Еврейская литература в Белоруссии после революции» [11, с. 352]. Работа, посвященная критическому анализу еврейской печатной литературы, была написана на идише. Число предметов на идиш в учебной программе возрастало с увеличением числа квалифицированных специалистов в штате отделения: с одного в 1921 г. до 16 человек на четырех курсах в 1924 г.

В 1929 г. на идиш преподавались следующие дисциплины: диалектический материализм (семинары), ленинизм, политическая экономика, история евреев в Польше, Литве, Украине и Беларуси, экономическая история евреев в России, история педагогики, история общества у евреев, еврейский фольклор, педагогика, новая и новейшая еврейская литература, история еврейского языка, еврейская диалектология, введение в немецкое языкознание, введение в семитское языкознание, методика изучения языка и литературы, методика обществознания, экономическая политика РСФСР, история России в эпоху империалистической войны и пролетарской революции, физика, методология физики, мето-

дология математики, аналитическая геометрия, методология естествознания, неорганическая химия, дифференциальные уравнения. На секции еврейского языка в качестве дополнительных занятий читались курсы Талмуда, Каббалы, Библии. Профессор Н. Никольский читал студентам курсы истории религии, раннего христианства и истории Израиля [12, л. 26, 27]. Читались эти курсы на русском языке. В целом, как отмечал М. Вейнгер, в 1929 г. 40% гуманитарных, 15 % естественнонаучных и 10% математических дисциплин читались на идиш [10, с. 157]. Итоговые экзамены также сдавали на идиш [10, с. 158].

В 1927 г. был осуществлен первый набор в аспирантуру БГУ студентов еврейского отделения. Наиболее способные из них (5 человек) стали аспирантами при кафедрах идишского и немецкого языкознания, литературы, биологии и физики.

Несмотря на динамичное развитие отделения, абитуриенты, однако, все неохотнее подавали туда документы: в 1924 г. на первый курс было зачислено 133, в 1925 г. – 81, в 1926 г. – всего 78 студентов [11, л. 111]. В 1929/1930 учебном году в еврейской секции (на пяти курсах) обучался 201 студент: на литературно-лингвистическом отделении – 58, на социально-историческом – 43, на естествознании – 62, на физико-математическом – 38 человек [10, с. 158]. Специалисты, получившие высшее образование на идиш, должны были способствовать развитию национальной культуры на новой идеологической основе. Однако с изменением политического курса еврейское отделение БГУ было расформировано в январе 1930 г. Студенты продолжили обучение на своих факультетах, а преподаватели были переведены на другие кафедры или в иные учреждения.

Задачей польской секции БГУ являлась подготовка учителей для польских школ, количество которых постоянно увеличивалось. В 1921/1922 учебном году их насчитывалось 73, в 1926/1927 – 111, а к 1934 г. увеличилось до 218, заняв второе место после белорусских школ [12]. Для студентов польской секции польский язык преподавался в качестве основного, в качестве же факультативного его могли изучать все желающие. Языковой курс разработала преподаватель М. Ковалевская, а курс польской истории читался профессором С. Т. Бабинским как на русском, так и на польском языках [4, л. 79–79 об.]. Польская секция в БГУ не была до конца сформирована и не имела такого влияния как еврейское отделение. В 1931 г. в преобразованном из педагогического факультета БГУ Белорусском государственном высшем педагогическом институте в Минске начала действовать польская секция, которую пла-

нировалось преобразовать в Польский педагогический институт. Но попытки к 1934 г. провалились.

Октябрьская революция принесла народам бывшей Российской империи возможность говорить, писать и получать образование на своем родном языке. Это право в полной мере было реализовано в стенах БГУ, что нашло свое отражение в многообразии образовательных программ и работе национальных секций университета. Вплоть до середины 1930-х гг. университет обучал студентов на белорусском, русском, польском и идиш.

С изменением политической ситуации, принятием новой редакции Конституции БССР в 1937 г. и нового рисунка герба (на котором исчезли надписи на польском и идиш) с июля 1938 г. ощутимо стал усиливаться контроль за учебными программами БГУ. Постепенно исчезли предметы, связанные с белорусведческим циклом. Позакрывались все национальные отделения. Языки польский и идиш больше не заявлялся для даже факультативного изучения. Все демократические интенции были подавлены, не успев толком реализоваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). Декрет Совета Народных Комиссаров № 486 [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 23.10.2016).

2. Белорусский университет (беседа с зам. ректора БГУ проф. С. З. Каценбогиным) // Газета «Звезда». 30 октября 1921.

3. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 213. Положение Наркопроса БССР о рабфаке БГУ, протоколы заседания правления Совета медицинского факультета, комиссии по приёму студентов на рабфак БГУ и т. п.

4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41. Программы по истории, педагогики, русской литературе, белорусской народной словесности и др. предметам на 1921–1923 гг. 18.04.1923 – 03.11.1923.

5. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 132. Приказы и протоколы заседаний штатной комиссии НК РКИ, Наркомпроса и Главпрофобра БССР, анкеты, заявления и требовательная ведомость на выдачу зарплаты профессорско-преподавательскому составу университета. 29.12.1924 – 7. 1925 г.

6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 87. Отчеты профессорско-преподавательского состава университета за 1923–1924 уч. год.

7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 72. Протоколы заседаний коллегии Наркомпроса БССР, советов, деканатов и предметных комиссий. 03.12.1923. – 16.12.1924.

8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 231. Учебные планы факультетов, программы по обществоведению, физике и доклад заведующего учебной частью университета о проверке успеваемости студентов. 17.11.1926 – 30.05.1927.

9. Вейнгер М. Б. Яўрэйская секцыя педфаку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту (мова арыгінала – ідыш) // Працы БДУ. 1929. № 23. С. 157–158.

10. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 42. Протоколы заседаний естественной научно-предметной комиссии педагогических и медицинских факультетов (06.12.1922–16.12.1923).

11. НАРБ. Ф. 205. Оп 1. Д. 82. Программы по истории русского языка, методологии изучения литературы, русской истории XIX в., истории новоевропейской литературы и еврейской филологии на 1923–1924 уч. год и отчеты профессорско-преподавательского состава университета.

12. Кожина А. А. Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны [Электронный ресурс]. URL: C:/Users/Downloads/21942–45573–1–PB. Pdf (дата обращения: 23.07.2018).

Петаченко Г. А.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

В. И. ПИЧЕТА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1920-х гг.

Политическая обстановка в Беларуси в 1920-е гг. была весьма противоречивой. Партийному и государственному руководству необходимо было решать целый комплекс задач: развитие республики на советской основе, создание основ белорусской государственности и ее территориальных очертаний, восстановление разрушенного войнами и оккупациями народного хозяйства, национально-культурное строительство и др. В этом контексте логичной была политическая активность университетского ректора В. И. Пичеты – одного из представителей интеллигенции, на которую возлагались надежды в становлении республики.

В период 1921–1930 гг. Владимир Иванович принимал активное участие в работе Всебелорусских съездов Советов в качестве делегата и несколько раз избирался в президиум, был членом ЦИК БССР. Безусловно, в основе его деятельности находились вопросы организации науки и образования. И он был активен как непосредственно в университете, так и в Народном комиссариате просвещения БССР, где на протяжении 1920-х гг. он являлся постоянным членом коллегии.

В 1920-е гг. В. И. Пичета участвовал в работе конференций и совещаний научных работников Беларуси и СССР. Отдельно следует отметить его участие в работе первого всебелорусского совещания по высшему образованию, на котором обсуждались вопросы обновления учеб-